

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Воздаяние. Часть 2: «Outstanding»

Как правило, во время учёбы недели летят так, что теряешь им счёт. Но дни перед этой субботой, казалось, тянулись словно резиновые. Посвящённые в таинство нововведения студенты то и дело шептались между собой, делясь сокровенными впечатлениями от полученных воздаяний и строя догадки о тех, которые у них ещё впереди.

Наконец заветный день настал, и мисс Грейнджер вновь уединилась в Выручай-комнате. Она вальяжно развалилась на старинном диване, откинувшись на мягкую спинку. Затем расстегнула пуговицу на джинсах, чтобы они не давили на живот. Девушка собиралась провести здесь довольно долгое время и постаралась обеспечить себе максимальный комфорт.

Ещё бы, ведь сегодня ей полагалось заслуженное воздаяние за оценку «Outstanding» – наивысший балл, полученный недавно по Нумерологии! Некоторое время она посидела молча с закрытыми глазами, сжимая в одной руке свой доверительный медальон, а в другой – волшебную палочку.

— Воздамус! – раздалось спустя минуту тихим, но решительным шёпотом, и мир грёз и фантазий окутал сознание юной чародейки...

* * *

Гермиона прекрасно помнила тот солнечный майский день. Она не просто возвращалась домой после школьных занятий, она буквально летела на крыльях. И не только оттого, что это был последний день учебного года и впереди было всё лето, которое она, как обычно, проведёт с Гарри и Роном в Хогвартсе. Окрылена она была и собственными превосходными результатами, с которыми закончила очередной класс в своей обычной школе.

Вбежав в дом, ученица ворвалась в свою залитую ярким светом комнату, бросила в дальний угол портфель и принялась вальсировать под какую-то одной ей слышную музыку. Купаясь в солнечных лучах, девчонка выписывала замысловатые танцевальные па, то вознося руки над головой, то держась ими за край подола школьной юбки. В ту пору она прикрывала её ножки почти до колен, однако сейчас, учитывая рост повзрослевшей Гермионы, едва ли могла скрывать её бёдра хотя бы на треть.

Молодая волшебница всё глубже погружалась в это окутанное некой таинственностью воспоминание. Она знала, что спустя минуту-другую, в комнату войдёт её отец. В свойственной ему угрюмой манере он сядет на край кровати и некоторое время с ноткой немного осуждения будет наблюдать, как легкомысленно кружится по комнате в танце его дочурка. Затем всё с тем же каменным лицом он спросит её о том, как прошёл последний учебный день в школе, и с какими результатами она закончила этот год.

В ответ Гермиона, перестав, наконец, вальсировать, достанет из портфеля свой табель с оценками и с гордостью предъявит его. А сама в это время запрыгнет с ногами на кровать и усядется рядом с папой в позе лотоса. Она будет заискивающе смотреть снизу-вверх на серьёзный профиль отца в надежде увидеть в его взгляде хотя бы намёк на похвалу или одобрение.

Ох, как же ей хотелось, чтобы папочка был с ней поласковее! Пусть не каждый день, пусть лишь иногда, чтобы он хоть как-то выражал свою любовь, равнодушие и заботу. Чтобы хотя бы раз сказал, как он гордится своей умничкой и красавицей, как рад её успехам, и какая она

у него замечательная. Как же девчонке всегда не хватало проявления этих элементарных отцовских эмоций!

В тот день после нескольких минут молчаливого изучения табеля с оценками, он лишь сухо сказал ей: «Неплохо», после чего встал и удалился из комнаты, даже не взглянув больше в её сторону. Бабочки, порхавшие всё это время у Гермiony в животе, тут же куда-то улетучились. Она так и осталась сидеть, скрестив ножки, на своей кровати в полном одиночестве, а по круглой гладенькой щёчке покатилаь тёплая прозрачная слезинка...

Это была оригинальная версия воспоминаний событий того дня. Однако сейчас папа вёл себя несколько иначе. Едва начав изучать полученные дочкой годовые оценки, он поначалу лишь одобрительно хмыкал и кивал головой. А чуть позже, перевернув страницу, даже вслух похвалил прилежную ученицу и коротко, но очень ласково коснулся ладонью оголённого колена своей повзрослевшей дочери. В ответ Гермiona едва заметно вздрогнула, но не свела ножки, а наоборот, повинувась какому-то внутреннему инстинкту, развела их чуть шире.

Длины юбки было теперь недостаточно, чтобы прикрыть бёдра сидящей «по-турецки» девушки. Однако её ничуть не смущало, что папа прямо сейчас может, скользнув боковым взглядом, рассмотреть белоснежный треугольник тонких трусиков, обтягивающих её гладкий лобок и нежную молоденькую киску. Напротив, она ждала этого и даже нарочно повернулась так, чтобы папочка не смог увернуться от этого будоражающего кровь любого мужчины зрелища.

Ещё пару минут отец делал вид, что внимательно изучает табель с оценками. Сам же в это время украдкой сверлил взглядом девичьи прелести под натянутым, как полог, подолом. Его рука при этом всё смелее и выше ласкала одну из широко расставленных молоденьких ляжек, продвигаясь от колена всё дальше под приподнятый подол. Сильные мужские пальцы описывали плавные круги под юбкой у девушки, ощущая кончиками всё более жаркое тепло, исходившее от пышущего желанием нежного девичьего тела.

Гермиона прикрыла глаза и, чуть приподняв голову, наслаждалась этими долгожданными и невероятно приятными прикосновениями. Ею овладела тягучая томная нега, низ живота потяжелел, а самый кончик скрытого под трусиками клитора тихонечко запульсировал. Девушка молчала и почти не дышала, будто опасаясь спугнуть папину руку. Она с нетерпением ждала, когда же его проворные пальцы доберутся до её самого интимного места и коснутся лобка хотя бы через эластичную ткань.

Вчерашняя школьница понимала, что всё это происходит сейчас лишь в мире её фантазий и иллюзий. Но от этого ей лишь ещё больше хотелось как можно шире раздвинуть перед папой свои красивые стройные ножки, показать во всей красе и подставить под самые безумные и бесстыдные ласки всё то, что все девочки обычно так тщательно от всех прячут.

Тишину нарушило короткое басистое покашливание, от которого замечтавшаяся девушка встрепенулась и приоткрыла глаза. Напомнив таким образом о своём присутствии, отец на время отстранил ладонь от раздвинутых ног дочери, в очередной раз перевернул страницу табеля и вновь уверенно запустил руку девчонке под юбку.

Теперь он уже не стал поглаживать внутреннюю сторону девичьего бедра, а сразу скользнул по треугольнику трусиков. Это нежное, долгожданное и одновременно неожиданное касание сквозь обтягивающую гладко выбритый лобок тонкую ткань заставило Гермionу вздрогнуть ещё сильнее. Пальцы отца тем временем нащупали вертикальную кромку нижнего белья, облегающего по бокам пухленькие вареники половых губ дочери.

Вскоре, чуть оттянув трусики, мужчина уже ласкал чувственную поверхность тёплой белоснежной складочки, упиваясь её податливостью и нежностью. Ещё одно смелое движение немного вглубь – и мужской палец обволокла мылкая пелена горячей смазки, обильно выступившей из молоденькой щелки. Следуя неторопливому ритму девичьего дыхания, он охаживал теперь мягкими прикосновениями малые губки и истекающую скользкими соками внутреннюю розовую плоть до сих пор ещё скрытой под трусиками безволосой киски.

Не смея и не желая перечить отцу, дочь сидела перед ним неподвижно с широко раздвинутыми бёдрами и скрещенными ногами. Она покорно и с нескрываемым удовольствием принимала эти бесстыдные и такие греховные ласки. Ей всё труднее было сохранять самообладание, голова кружилась всё сильнее. А когда она ощутила у себя под подолом прикосновение второй папиной ладони, окончательно потеряла равновесие и завалилась на кровати на спину.

Отложив в сторону табель, мужчина распрямил девичьи ножки, а затем одним плавным, но уверенным движением лишил разомлевшую бесстыдницу нижнего белья. Он склонился над пышущим жаром обнажённым лоном своей отличницы и некоторое время пристально рассматривал её влажные оголённые прелести с близкого расстояния, вдыхая их манящий запах.

Он вожделенно любовался пологой выпуклостью совершенно гладкого лобка, южный склон которого расходился на два красивых белоснежных полумесяца. Меж пары пухленьких чуть приоткрытых створок просматривалась нежно-розовая, блестящая от выступившей смазки мякоть девичьей устрицы. А сверху маленькой застывшей капелькой нависал похотливо подрагивающий бутончик клитора.

Гермиона ощущала своим возбуждённым естеством горячее дыхание отца. Он не касался сейчас нигде её тела. А она не могла видеть его лица, но знала, куда папа сейчас ей смотрит и с замиранием сердца думала о том, что он намеревается делать с ней дальше. Лишь изредка мужская щека вскользь касалась внутренней стороны раздвинутых бёдер девушки. Отец почти вплотную приблизился носом и ртом к трепетной абрикосинке своей малышки, будучи не в силах устоять от соблазна вдохнуть поглубже её такой родной и пьянящий аромат.

Девчонка изнемогала от страсти и предвкушения. Её плоский живот подрагивал и двигался вверх-вниз в такт учатившемуся дыханию, его то и дело приниживали едва заметные короткие спазмы. Было невероятно стыдно, но безумно приятно лежать вот так, с широко расставленными ногами, и показывать папе свою красивую голую писю, недвусмысленно подставляя ему её для ласк и поцелуев.

Мужчина на тот момент окончательно потерял над собой контроль и уже не вполне отдавал отчёт своим действиям. Шумно дыша, он втягивал носом аромат возбуждённой промежности своей дочурки и шумно выдыхал воздух ртом, обдавая чувственную плоть тёплым и влажным дуновением. Раз за разом он всё ближе подступал к доверчиво распахнутым перед ним девичьим воротцам.

И вот кончик мужского носа скользнул вдоль увлажнённой розовой бороздки снизу-вверх, до самого клитора. Следом за ним трепетной мякоти коснулась и поросшая шершавой щетиной верхняя губа. Теперь это было уже не остановить! Отец буквально впился дочери в щель между ног, всосав в рот обе её пухленькие половые губки. Мужской язык нырнул на всю длину в омут из окутавшего его податливого горячего естества и принялся страстно

вылизывать всё изнутри.

У обезумевшей от нахлынувших ощущений Гермioniны перехватило дыхание. Она не могла сейчас не только стонать или кричать, ей было трудно даже сделать вдох. Вместо этого она запрокинула назад голову и выгнулась дугой, тем самым ещё плотнее прижав свою мокрую киску к страстно сосущему её папиному рту. И только когда извивающийся мясистый язык на мгновение покинул уютные девичьи недра, бесстыдница глубоко вздохнула и ритмично засопела. А отец с нарастающей страстью продолжил одаривать умелыми оральными ласками кислотовато-сладкую абрикосину у неё между ног.

Он положил обе руки ей на бёдра, не давая шанса хоть немного их сдвинуть. Сам устроился поудобнее и принялся не спеша и с упоением сосать и целовать прямо в тёплую и такую сочную щелочку любимую дочь. Дурманящий вкус выделений молодых желёз сводил мужчину с ума. Он вылизывал и высасывал между ног у своей сыкушки каплю за каплей и шумно проглатывал всё без остатка, ни на мгновение не отрывая больше рта от её пышущей жаром сочной пельмешки.

Сопение девушки становилось более громким и смешивалось со стонами, когда кончик языка умелого любовника вальцевал крохотное отверстие в верхнем своде у самого входа в розовую пещерку. В этом месте он особенно тщательно и настойчиво голубил девичье естество, заставляя похотливую мокрощелку вздрагивать, а порой даже взвизгивать и судорожно сжимать от страсти кулаки.

Её тонкие пальчики в такие моменты с изо всех сил впивались в постельное бельё, хаотично теребя его. Мужчина был терпелив и напорист, он не оставлял в покое уретру дочери, пока из неё ему на кончик языка не выступала хотя бы маленькая капелька терпкого на вкус девичьего секрета. Только после этого он позволял девчонке немного расслабиться, плавно скользя обмякшим языком поверх губок от колечка попки до самого похотника.

Юная волшебница наслаждалась новыми для неё оральными ласками. Она не раз представляла себе в своих тайных фантазиях, каким папа может быть нежным и ласковым, но ей и в голову не могло прийти, что он может сотворить такое со сладенькой плюшечкой у неё между ног! Впрочем, всё это было лишь прелюдией к главному действию, к которому отец медленно и умело подготавливал сейчас тело своей девочки.

Вскоре он отпрянул от тщательно вылизанной им молочно-розовой голощелки. Её белоснежные губки набухли и блестели на свету, увлажнённые мужской слюной и любовными соками. Обе складки и лобок зарделись румянцем от долгих поцелуев враспашку. Язычок клитора трепетал и подрагивал, а низ плоского живота то поднимался, то плавно опускался. Девушка лежала на спине совершенно неподвижно и смиренно ждала, что же будет с ней дальше.

Чуть приоткрыв глаза, Гермioniна обнаружила, что почти никакой одежды на ней больше нет. Остались почему-то только серые гольфы, натянутые на ноги до середины икр. Их присутствие нарочито констатировало тот факт, что она предстала сейчас совершенно голой перед собственным отцом, и ей абсолютно нечем прикрыть свою наготу.

Мужчина тем временем неторопливо расстегнул на себе штаны и навис над ничем не прикрытым телом девушки. Её лодыжки он закинул себе на плечи, немного склонился вперёд, левой рукой упёрся в ложе, а правой направил свой твёрдый член в покорно подставленные для проникновений влажные родные чресла.

Дочь ощутила у себя между ног прикосновение чего-то горячего и большого. Оно плотно

прижалось и дважды скользнуло по её раздраженной и жаждущей продолжения ласки вульве. А затем, нащупав вход, без сомнений и колебаний плавно и уверенно устремилось вглубь тела изнемогающей от страсти юной красотки.

В своих фантазиях молодая волшебница не раз пыталась представить, каким должен быть орган у папы. Она была уверена, что ничто на свете не сможет обойтись с ней нежнее и деликатнее, чем он! И сейчас, погрузившись в томительно-приятную негу, с упоением убеждалась в этом. Папин член настойчиво и ласково заполнял изнутри узенькую девичью норку, пока полностью не натянул её на себя, коснувшись головкой задней стенки влагалища. Двигаясь очень плавно и медленно, мужчина принялся бережно и умело овладевать телом лежащей под ним взволнованной девушки. Никто кроме него не был бы сейчас с ней таким ласковым и обходительным. Никто не смог бы так умопомрачительно нежно и в тоже время страстно и глубоко скользить в её недрах.

Скольжение в щелке было настолько приятным и завораживающим, что Гермiona вся без остатка подчинилась этим возвратно-поступательным движениям внутри своего тела. Раз за разом папино орудие входило в неё, заполняя каждый уголок и закуток, не оставляя надежды скрыть от этой проникающей и всезаполняющей безумной ласки хоть одну живую клеточку своего естества.

Но ей и не хотелось что-то скрывать! Напротив, она была готова сейчас буквально вывернуться наизнанку, лишь бы снова и снова подставляться под эти бесконечные, неизбежные и невероятно приятные вторжения. Всё, о чем могла сейчас думать сопящая и пыхтящая под собственным папой девчонка, это как бы ей хотелось продлить навечно это бесстыдно-греховное сумасшествие!

Мерно раскачивались две задранные к потолку облачённые в серые гольфы девичьи лодыжки. Ритмично хлюпала наполненная мылкой смазкой и похотью узкая розовая скважина. А твёрдый и толстый, но в то же время такой скользкий и ласковый папин бур неспешно и бережно голубил и исследовал её изнутри.

Со стороны могло показаться, что заданные с самого начала темп и глубина проникновений не меняются, а сам процесс овладения юным телом родной дочери носит для мужчины какой-то формальный, механический характер. Но на деле это было не так. За внешним равнодушием таилась истинная необузданная страсть, которую он с каждым толчком, с каждым запретным проникновением всё глубже закачивал внутрь своей любимой малышки.

Её нарастающие с каждой минутой стоны и страстные вздохи были тому подтверждением. Гермiona уже не могла остановиться. Всё тело, буквально каждая его клеточка, пела и звенела от наслаждения, пока родной папа сношал её так сладко, глубоко и умело. О большем восторге она мечтать сейчас не могла!

Его толчки продолжались и продолжались, но даже если бы он в тот момент остановился, это вряд ли что-то изменило бы. Да и сама юная волшебница уже была не в силах что-то изменить или остановить. Подчинившись буре страстей и эмоций, она не заметила, как сначала вознеслась на гребне невидимой волны, а затем безвозвратно понеслась по её склону в пучину длительного, испепеляющего оргазма.

Тело девушки тряслось как желе, то здесь, то там пробегали короткие судороги. Попочка сжималась, а возникающие во влагалище спазмы заставляли внутренние мускулы импульсивно сокращаться. Молоденькая киска с такой силой обхватывала снующий в ней член, что он увлекал за собой и раскачивал взад-вперёд всю девчонку целиком.

Но долбёжка всё не прекращалась. Судороги то и дело возвращались с новой силой. Облачённые в гольфы ножки при этом устремлялись вертикально вверх и мелко вибрировали. Девушка сучила руками, её голова моталась из стороны в сторону, утопая в копне волнистых каштановых волос. А из гладко выбритой щелки прыскали короткие фонтанчики сквирта.

Отец продолжал страстно и в то же время монотонно шпилить бурно кончающую под ним дочь. Её стоны давно переросли в крики, а оргазмы один за другим снова и снова овладевали уже обессилившей похотливой сыкушкой. И только когда это наслаждение стало похожим на пытку, папа сжалился над своей малышкой и решил, что пришло время и ему тоже кончить. Он сделал ещё несколько особенно мощных и глубоких фрикций, после которых напрягся и трижды содрогнулся всем телом, выстреливая заряды горячей спермы в самую глубь чресел любимой дочурки. Затем вынул наконец из пульсирующего влагалища свой натруженный багровый орган и изверг на пляшущий в отголосках спазмов плоский живот ещё несколько длинных белёсых струй.

* * *

— Ай-ай-ай, мисс Грейнджер... – флегматично произнёс Северус Снегг.

Его овальная физиономия внезапно возникла прямо перед лицом Гермионы, расслабленно полулежащей на диване в Выручай-комнате. Девушка резко открыла глаза и даже вскрикнула от неожиданности. Могучий торс рослого мужчины склонился над ней, и она никак не могла взять в толк, что происходит.

К её изумлению, из одежды на ней по-прежнему были только гольфы, в которых она пребывала в своём видении. Волшебница суетливо стала пытаться прикрыть руками свою наготу, но это у неё почти не получалось. Преподаватель беззастенчиво и с неподдельным интересом изучал её тело, рассматривая все прелести с максимально близкого расстояния.

— Что Вы здесь делаете?!. Как Вы смеете?!. Да как Вы вообще... – Возмущалась ученица.

— Смею, потому что могу. – Спокойно пояснил маг. – Ведь я куратор этого проекта, а значит, не только могу, но и обязан в некотором смысле контролировать всё, что здесь происходит.

— Вот именно, что происходит? Зачем раздели меня? И где мои вещи?!.

Едва опомнившись от сладкого забытья девушка растерянно вертела головой и осматривалась в поисках своей куда-то исчезнувшей одежды.

— Слишком много вопросов, Гермиона. – Мужчина выпрямился в полный рост и заложил руки за спину. – Сейчас же вставайте и следуйте за мной. – Добавил он, надменно глядя сверху-вниз на свою подопечную.

Так и не обнаружив ни одного предмета своего гардероба, девушка послушно встала с дивана. Стыдливо прикрывая одной рукой обнажённые груди, а другой – промежность, она последовала за своим требовательным наставником. Тот открыл перед ней дверь, они покинули Выручай-комнату и зашагали по длинному тёмному коридору.

— Но куда мы сейчас идём? – Робко осведомилась голая чародейка. Её голос терялся в гулком стуке мужских каблуков по твёрдому полу.

— В мой кабинет, разумеется. Нам с Вами следует многое обсудить. Вы ведь и сами это понимаете, не так ли? – Трубный голос Снегга раздавался эхом среди высоких каменных сводов.

Следующие пару минут ученица семенила за профессором молча, никак не поспевая за размеренным ритмом его широких шагов. Чёрный шлейф плаща таинственно-зловеще развеивался за спиной у мага, требуя следовать за собой. То слева, то справа на стенах встречались портреты. Знакомые лица на них улыбались, подмигивали, приветливо кивали головой и провожали взглядом раздетую девушку.

Только сейчас Гермиона осознала, что при ходьбе у неё из щелки стала вытекать отцовская сперма. Сочась сквозь пальцы на половых губах, она стекала по внутренней стороне бёдер, орошая их скользкой прохладой. Все эти обстоятельства наряду с исчезнувшей одеждой заставляли всё больше усомниться в реальности происходящего.

Спохватившись, юная волшебница поняла, что ни палочки, ни медальона при ней тоже нет. А это могло означать только одно: либо её в самом деле кто-то бесовестно обокрал, раздел и обесчестил в стенах родного Хогвартса, либо... пора уже и в самом деле проснуться!

— Стойте! – Вскрикнула она и резко остановилась.

Преподаватель сделал ещё пару шагов и тоже замер на месте. Потом медленно обернулся и вопросительно посмотрел на свою студентку.

— Что-то случилось? Мой кабинет уже совсем рядом... – Нарочито учтиво произнёс он.

— Вы ведь... Это всё, и Вы тоже... Это ведь не по-настоящему, так?

— А Вы сами как считаете?..

— Полагаю, заклинание Воздамус всё ещё действует... Но почему?..

— Я буду ждать Вас, мисс Грейнджер! С нетерпением!.. – Усмехнулся Снегг. – Нам многое с Вами предстоит обсудить!

Он щёлкнул пальцами и оглушительно рассмеялся. Его гортанный бас ещё долго звучал эхом в ушах Гермионы...

* * *

Девушка снова нашла себя расслабленно полулежащей на диване в Выручай-комнате. Вся её одежда была теперь на месте, лишь пуговица на джинсах была по-прежнему растёгнута.

Левая рука сжимала доверительный медальон, но в правой не оказалось волшебной палочки.

Бедолага испуганно встрепенулась и принялась судорожно ощупывать обивку на потёртом сидении. Спустя мгновение тонкие пальчики обнаружили лежащий совсем рядом магический артефакт. Волшебница закрыла на секунду глаза и облегчённо вздохнула. Затем несколько раз часто поморгала, глядя куда-то вверх, сквозь высокий потолок.

В сознании Гермионы стали проноситься воспоминания о недавно пережитой встрече с отцом, лицо её при этом расплылось в слащавой улыбке. А уже через несколько минут, пристегнув свою фирменную маску невозмутимости, юная колдунья стремительно шагала по школьным коридорам к себе в комнату, чтобы как можно скорее сменить там промокшие насквозь трусики...

Прислано: niki720